

Эрик-Эмманюэль
ШМИТТ

КНИГИ Э.-Э. ШМИТТА

Секта Эгоистов. Распутник
Евангелие от Пилата
Другая судьба
Как я был произведением искусства
Улисс из Багдада
Женщина в зеркале
Попугаи с площади Ареццо
Эликсир любви
Яд любви
Оскар и Розовая Дама
Мсье Ибрагим и цветы Корана
Дети Ноя
Борец сумо, который никак не мог потолстеть
Десять детей, которых никогда не было у госпожи Минг
Одетта. Восемь историй о любви
Мечтательница из Остенде
Концерт «Памяти ангела»
Два господина из Брюсселя
Кики ван Бетховен
Театр
Ночь огня
Человек, который видел сквозь лица
Месть и прощение
Феликс и Незримый источник
Мадам Пылинска и тайна Шопена
Миларепа

Эрик-Эмманюэль
ШМИТТ

МЕСТЬ
И ПРОЩЕНИЕ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Ш73

Éric-Emmanuel Schmitt
LA VENGEANCE DU PARDON
Copyright © Éditions Albin Michel – Paris 2017

Перевод с французского
*Галины Соловьевой, Риммы Генкиной,
Нины Хотинской, Марианны Таймановой*

Оформление обложки
Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-17591-4

- © Г. А. Соловьева, перевод, 2018
- © Н. О. Хотинская, перевод, 2018
- © Р. К. Генкина, перевод, 2018
- © М. Е. Тайманова, перевод, 2018
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

**СЕСТРЫ
БАРБАРЕН**

Попытайся мы представить рай земной в образе деревни, это было бы местечко под названием Сен-Сорлен.

На мощеных улочках, плавно сбегавших к реке, каждый фасад представлял настоящим садом. Сиреневые фонарики глициний свисали вдоль верхних этажей, у самых окон пламенели герани, вьющийся виноград расцвечивал первый этаж, за скамейками плавилась наперстянка, а меж камней пробивались ландыши, чье благоухание затмевало малый размер.

У путников, проезжавших по Сен-Сорлен-ан-Бюж, складывалось впечатление, что здесь всегда царит месяц май. Буйство цветов превращало дома в опору для растений. Под наивно-синим небом на стенах домов праздновал победу заго-

вор: розовые розы, пышные, распустившиеся, соперничающие со спелыми плодами; трепещущие и благоденствующие, играющие плотью лепестков, взывавшей к ласке или поцелуям; стыдливо багровеющие черные розы; гибкие суховатые красные; желтые розы, благоухающие душистым перцем; безмолвные оранжевые розы, лишенные запаха; белые розы, тревожные, эфемерные, разочарованные слишком быстро промелькнувшим расцветом, уже привядшие. Повсюду тощие, как нагрывшие в город дикари, кусты шиповника с шероховатой листвой высовывали свои красноватые бутоны, из которых местные жители варили варенье. Фиолетовые гортензии, окаймлявшие мостки для стирки, были исполнены буржуазной респектабельности. Словом, цветочное безумие в Сен-Сорлен расплескивалось от церкви Святой Марии Магдалины до берега Роны.

По рыночной площади шествовала Лили Барбарен, пожилая дама, чье очарование было созвучно местным кокетливым улочкам. Улыбчивая, хрупкая, с нежным цветом лица, изящно очерченным носом и ясными глазами, она казалась олицетворением доброты. Если считать Сен-Сорлен раем, то Лили уж точно являлась идеальной бабушкой из домика в деревне, доброжелательной, всегда готовой помочь ближнему. Казалось, ее

старость отступала перед любезностью, смешанной с альтруизмом. А меж тем жизнь должна была бы пробудить в ней ненависть, подвести к злопамятности. Разве не ее десятилетиями подвергали преследованиям? Разве не ее презирали, оскорбляли, предавали, ненавидели? И главное: разве не ей предстояло назавтра предстать перед судом за убийство?

Подобно тому как за идиллическим обликом деревни скрывался свой набор – злоба, ревность, преступления, за внешней свежестью и гладкостью лица пожилой дамы таился свой ад. Но переступила ли она его порог? Совершила ли непростительный поступок?

Ее обвинитель Фабьен Жербье, нахмутив брови, наблюдал за ней из своей мастерской по ремонту обуви. Грузный, высокий, темноглазый, он обрушивал свой молоток на подметки с яростью, которая на самом деле была адресована Лили Барбарен. Несмотря на возраст дамы, ее хрупкость и внешнюю безобидность, он считал недопустимым, что она пребывает на свободе, пользуясь снисходительностью сограждан. Именно он заподозрил ее, он сообщил о своих подозрениях жандармам и побудил полицию открыть уголовное дело, именно ему она была обязана электронным браслетом на щиколотке, ибо власти,

проявляя терпимость, не стали заключать ее под стражу до того, как завершится слушание дела. Завтра Фабьен Жербье отправится на судебный процесс в Бург-ан-Бресс и будет присутствовать на спектакле «юстиция в действии». Завтра все наконец прояснится. Вот уже несколько недель жители Сен-Сорлен с удовольствием рассказывали приезжим или навестившим их друзьям историю Лили Барбарен. Точнее, историю сестер Барбарен, ведь, хотя теперь осталась только одна из сестер, невозможно было говорить об одной, не упомянув другую.

— Невероятно!

Сестры Барбарен появились на свет в один и тот же день.

Если первая вызвала восхищение, то явление второй, возникшей через полчаса между бедрами истощенной матери, возбудило недоумение, этого никто не предвидел. В то время врачи не слишком внимательно ощупывали своих пациентов, и лишь при родах узнавали пол и количество детей.

— Мадам Барбарен, их двое! Так вот что вы втайне готовили нам.

Две великолепные девочки!

Повитуха ликовала.

Невероятно похожие друг на друга от макушки и лазурных глаз до стиснутых пальчиков ног, сестрички Барбарен наполнили сердца родителей гордостью. Сотворение ребенка само по себе необычно, но рождение двух совершенно идентичных младенцев было почти чудом!

— Какая прелесть!

Изумленные присутствующие не обратили внимания ни на стремительность, с которой ребенок появился на свет, ни на негодующий визг, который испустила малышка, будто сердясь на взрослых, которые ее не желали и не ждали.

— А как вы их назовете?

Ту, что родилась на тридцать минут раньше, Барбарены не колеблясь нарекли Лили, как и было запланировано. С выбором имени для неожиданной младшей вышла секундная заминка. В конце концов родители предложили имя Моисетта, ведь если бы родился мальчик, то его назвали бы Моисеем.

Лили и Моисетта... Все были поражены контрастом: первое имя звучало восхитительно и странно, второе закономерно вызывало тревогу. Это имя по умолчанию предвещало несчастную судьбу.

Первые четыре года Лили и Моисетта провели благополучно. Семейство Барбарен наслаждалось этим поразительным полным сходством; забавляясь, родители нарочно никогда не разлучали девочек, одевали их совершенно одинаково и называли близняшками.

Прежде чем заговорить на общепринятом языке, Лили и Моисетта общались на своем собственном: от одной к другой непрерывно перетекал невнятный лепет — этакая смесь жужжания и щебета, — столь же ясный для девочек, сколь невразумительный для окружающих.

— Как они отлично ладят! — нередко восклицали соседи, видя, что сестрички сообща ползают, играют, едят, спят, бегают и разговаривают между собой.

На самом деле если бы они присмотрелись получше, то поняли бы, что девочки не «общаются» в обычном смысле этого слова, ведь чтобы «общаться» — то есть выражать себя, слушать другого, отвечать — нужны двое. Лили и Моисетта росли бок о бок, не ощущая собственной разности. Очевидно, на заре жизни сестры вообще не ведали о своей двойственности, у них сформировалась единая личность с двумя телами, единый организм: четыре руки, четыре ноги, две пары губ и два рта. Когда одна начинала движение,

другая его заканчивала. Как будто их навечно объединила невидимая плацента, они купались в гармонии, хранимые защитной оболочкой, пузырьем, заполненным амниотической жидкостью, в спокойной среде с постоянной температурой, где малышки развивались, вибрируя в симпатическом резонансе.

Что за событие разрушило это убежище? Чей скальпель разделил близнецов?

В то утро, когда им исполнилось четыре года, родные вручили Лили синий пакет, а Моисетте — красный. Девчущки жадно вгляделись каждая в свой подарок, а затем склонились, чтобы посмотреть на тот, что получила сестра. Моисетта отбросила красный пакет и схватила синий, который понравился ей больше, Лили не возражала. Но тут вмешались родители:

— Нет! Синий — это для Лили, а красный — для Моисетты.

Они поменяли пакеты. Через пару секунд упрямица Моисетта вновь проделала то же самое.

— Моисетта, ты не поняла: твой пакет красный, а не синий.

Моисетта нахмурилась. Синий цвет нравился ей больше, чем красный, и она не могла взять в толк, отчего у нее забирают подарок. Она потянула пакет к себе.

Последовал легкий шлепок. Раздосадованная, она застыла в недоумении.

— Ну, девочки, открывайте ваши подарки!

Моисетта смотрела, как Лили разворачивает лазурную бумагу и открывает картонную коробку с куклой.

— О-о! — протянули девочки в один голос.

Моисетта, как и ее старшая сестра, пришла в восхищение при виде лежавшего в коробке чудесного светловолосого создания в роскошном белом атласном платье.

— Какая красивая! — шепнула Лили.

— О да! — кивнула Моисетта.

Лили осторожно сняла пластиковую крышку, вынула куклу и поставила ее. Моисетта пристально наблюдала за этой сценой, будто участвуя в действиях сестры.

Потом Лили погладила золотые волосы куклы, и этот жест подбодрил Моисетту. Наконец Лили расцеловала розовые кукольные щечки, а Моисетта зарумянилась, будто поцелуи достались ей.

— Моисетта, а как же твой подарок?

Девочка лишь через десять секунд сообразила, что родители обращаются к ней. Они упорствовали:

— Тебе что, не интересно узнать, что там?

— Мне нравится кукла.

— Ты права, кукла очень красивая.

— Она мне нравится, — заявила Моисетта, прижимая к себе куклу.

— Да, но это кукла Лили!

Они вырвали у Моисетты игрушку и решительно вручили ее Лили:

— Держи, это твоя!

Моисетта, поразмыслив несколько мгновений, протянула раскрытую ладошку к Лили, и та отдала ей куклу. Родители встали между девочками. Пора было переходить к насильственным мерам.

— Ну все, хватит! Не надо всех путать. Оставь в покое подарок Лили. Разверни свой.

От этого угрожающего тона Моисетта непроизвольно заплакала.

— Вот дуреха! Тебе вручили подарок, а ты на него даже не взглянула. И к чему вся эта канитель...

Моисетта понимала лишь то, что больше не имеет права поступать, как ей вздумается. Лили кинулась к ней и обняла, заходясь в рыданиях. Успокаиваясь, Моисетта уронила еще несколько слезинок, потом оценила ситуацию: мать настойчиво протягивала ей красный пакет.

Нехотя покоряясь, Моисетта с замкнутым выражением на лице разорвала бумагу и извлекла великолепного медвежонка.

— О, какой красивый медвежонок! — воскликнули родители, стремясь подбодрить ее.

Моисетта посмотрела на него, наморщив лоб.

— Тебе нравится?

Обернувшись к сестре, которая с жадностью рассматривала медвежонка, девочка выдохнула:

— Да.

Чувствуя себя покинутой, она снова взяла куклу.

Спротивление крепло. Взволнованные родители повысили голос, Моисетта расплакалась, Лили из солидарности тоже заревела.

— Нет, Лили, только не ты! Тебе не стоит ее поощрять! И не стоит вести себя так же глупо, как Моисетта.

Оскорбления прекратились, хлопнула дверь, и родители удалились, оставив всхлипывающих девочек на полу среди бумажных обрывков — безжизненных призраков подарков.

Этот день рождения рассек единство близнецов: у них возникло смутное понимание, что каждая существует сама по себе. В четыре года они родились заново, но на сей раз как двое. Две разные девочки. Лили и Моисетта.

Для Лили это была просто новая информация; для Моисетты — траур. Теперь она не только перестала быть сестрой, она оказалась в оди-

ночестве. Более того, ее воспринимали хуже, чем прежде. Кто из нас в детстве не был поражен, внезапно обнаружив зазор между собой и прочим миром: ты вдруг осознал, что существуешь в отрыве от остальных, ты другой, одинокое тело среди чужих, тело, в котором зреет уникальный интеллект. Сознание несправедливости...

Для одних это был проблеск во тьме, для других — лишение прав. Если для первых приподнималась завеса, то вторые попадали в каменный застенок. Одиночество — это царство, где одни восседают на троне, а другие пытаются на ощупь выйти за границы замкнутого пространства.

Осваивая окружающий мир, Лили испытывала радость, к тому же она исследовала его вместе с сестрой-близнецом! Но взъерошенной и недовольной Моисетте вселенная казалась негостеприимной, она заметила, что присутствие сестры уменьшает ее собственное влияние, размеры, превосходство... Так на пятом году жизни Лили получила сестру, а Моисетта — соперницу.

С этого самого дня для близнецов все стало совершенно иначе, хотя в деревне сестричек по-прежнему воспринимали как нечто единое.

В любых обстоятельствах — при появлении родителей, учителей, друзей — они рефлекторно

объединялись. Стоило матери по возвращении домой обнаружить сломанную лампу, девушки принимались дружно отнекиваться. «Это не я!» — громогласно заявляла Лили. «И не я!» — добавляла Моисетта. Ждать признания было бесполезно, никто не собирался выдавать виновника. Любое властное вторжение в их пространство лишь спланивало сестер. В результате приходилось либо отменять наказание, либо наказывать обеих. Девочек не пугала ни угроза остаться без десерта, ни назначенные учительницей дополнительные занятия, ни то, что приятель, после их визита лишившийся шариков, больше не пригласит их к себе. Единство для них было куда важнее, чем гнев чужих или наказание. Они держались вместе.

И напротив, стоило им остаться одним, как блок начинал раскалываться. Если физически вся разница составляла килограмм — в пользу более упитанной Лили, то в психологическом плане их единство рассекали трещины.

Лили всегда брала инициативу на себя. Смелая, она выступала от имени обеих сестер-близнецов, в авангарде ей было комфортно, она назначала встречи, затевала игры, организовывала передвижения. Поскольку к людям обращалась именно она, они сразу проникались к ней расположением. И это спонтанное лидерство накладывало

вало печать на привычки; от местных куда чаще можно было слышать о Лили или о близняшках, чем о Моисетте, некоторые ограничивались словом «другая», нередко забывая ее имя.

Моисетта, не подвергая сомнению этот вроде бы естественный порядок, следовала за старшей сестрой, сознавая однако, что находится в ее тени. Целых два года она все время старалась держаться рядом со столь необходимой ей сестрой, данной от рождения, сестрой, без которой она ощущала себя неполной. Это изрядно удручало беспечных и равнодушных взрослых, лишенных памяти. К тому же Лили всегда поддерживала Моисетту, когда та указывала, что к ней недостаточно внимательны, и всегда ее защищала.

Так как на Рождество или на день рождения они теперь получали разные подарки, девочки приняли такую стратегию: на людях они изображали радость, а как только все успокаивалось, приступали к перераспределению даров. Моисетта, вечно разочарованная своими подарками, требовала те, что достались Лили, и та без колебаний отдавала их, даже не обижаясь на то, что Моисетта потом отказывалась дать поиграть ими.

Но когда им стукнуло семь лет, их союз разрушила начальная школа. Более медлительной и менее точной, чем сестра, Моисетте учеба да-

валась труднее. Учителя обратили на это внимание родителей. Моисетта пришла в ярость: ее оценки соответствовали результатам последней трети класса и были не хуже, чем у остальных, они не привлекли бы внимания, если бы ее достижения не сравнивали с блестящими успехами сестры. Вполне обычная школьница, рядом с Лили она превращалась в посредственность! Это сравнение ей навязывали, и, молча проклиная более одаренную сестру, она, получая плохую отметку, привычно перекладывала вину на Лили.

К десяти годам наступило неизбежное: учительница предложила разлучить близнецов, поместив их в разные группы, соответственно уровню каждой. Она могла сколько угодно восхвалять преимущества разделения, суля расцвет их способностей, воспевая эффективность индивидуальной формы обучения, — Моисетта, потупившись, бросала на Лили обиженные взгляды.

И с этого момента она принялась совершать регулярные набеги на комнату сестры. Она портила ее книги, ломала карандаши, рвала рисунки, вырезала дырки на одежде. Но Лили молча приводила все в порядок, чинила, штопала, защищая младшую сестренку. Ей и в голову не приходило критиковать Моисетту, она была убеждена, что ту просто недооценивают.

Спокойно, обдуманно Лили препятствовала тому, чтобы раскрылись мелкие проделки сестры. Когда агрессивное поведение Моисетты причиняло ей страдания, Лили демонстрировала изобретательность и хладнокровие. Так, в день их первого причастия она спустилась в гостиную пораньше и переменяла карточки на подарках, разложенных на столе, с тем чтобы в тот же вечер, в ночной тиши, после того как Моисетта заберет себе подарки, предназначенные сестре, обрести желанные вещицы.

В год, когда им исполнилось двенадцать, положение вновь изменилось.

Как-то утром Моисетта уставилась на Лили и заявила:

— У тебя расстроенный вид.

Оторопевшая Лили смерила ее взглядом.

— У тебя тоже, — заметила она.

Встав вдвоем перед зеркалом, они пришли к выводу: отражение свидетельствует, что их лица изменились.

Спустя неделю Моисетта задержала взгляд на бедрах Лили:

— Прекрати обжираться: ты так растолстела, что швы у тебя на юбке вот-вот лопнут.

— У тебя тоже.

И вновь зеркало подтвердило общую беду.

Как вражеская армия, гормоны тайно вторглись в их плоть и начали трансформировать ее. Не проходило ни одного утра, чтобы одна из них не подметила в другой какой-нибудь недостаток, а другая тотчас бы не обнаружила его у сестры: прыщик, вскочивший на кончике носа, выпирающие груди, пробивающиеся волоски, слишком жирные ягодицы, лоснящаяся кожа, новый запах... Сестры-близнецы покинули берега детства, чтобы направиться к континенту женщин, однако плавание совершалось в суровых океанских водах.

В облике сестры Лили с изумлением открывала свое новое тело. Моисетта терзалась, что сестра навязывает ей зрелище собственного упадка. Будто сутки напролет перед тобой стоит зеркало. Ей казалось, что творящееся с Лили безобразие постоянно напоминает о ее собственном уродстве. Короче, Лили повсюду преследовала Моисетту, демонстрируя свои недостатки, и в итоге та ее возненавидела.

Но как только эстрогены, на редкость вовремя, завершили колониальный захват и отшлифовали завершившееся превращение, сестры Барбарен оказались прелестными девушками. И та и другая.

Шмитт Э.-Э.

Ш73 Мечь и прощение : рассказы/ Эрик-Эмманюэль Шмитт ; пер. с фр. Г. Соловьевой, Р. Генкиной, Н. Хотинской, М. Таймановой. – М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. – 384 с.
ISBN 978-5-389-17591-4

В сборнике рассказов Э.-Э. Шмитта «Мечь и прощение» – четыре судьбы, четыре истории, в которых автор пристально вглядывается в самые жестокие потаенные чувства, управляющие нашей жизнью, проникает в сокровенные тайны личности, пытаясь ответить на вопрос: как вновь обрести долю человечности, если жизнь упорно сталкивает нас с завистью, равнодушием, пороком или преступлением?

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Месть и прощение

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Валентина Гончар, Татьяна Бородулина

Подписано в печать 07.08.2020. Формат 70×100¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48. Тираж 3000 экз.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-LEV-26136-01-R